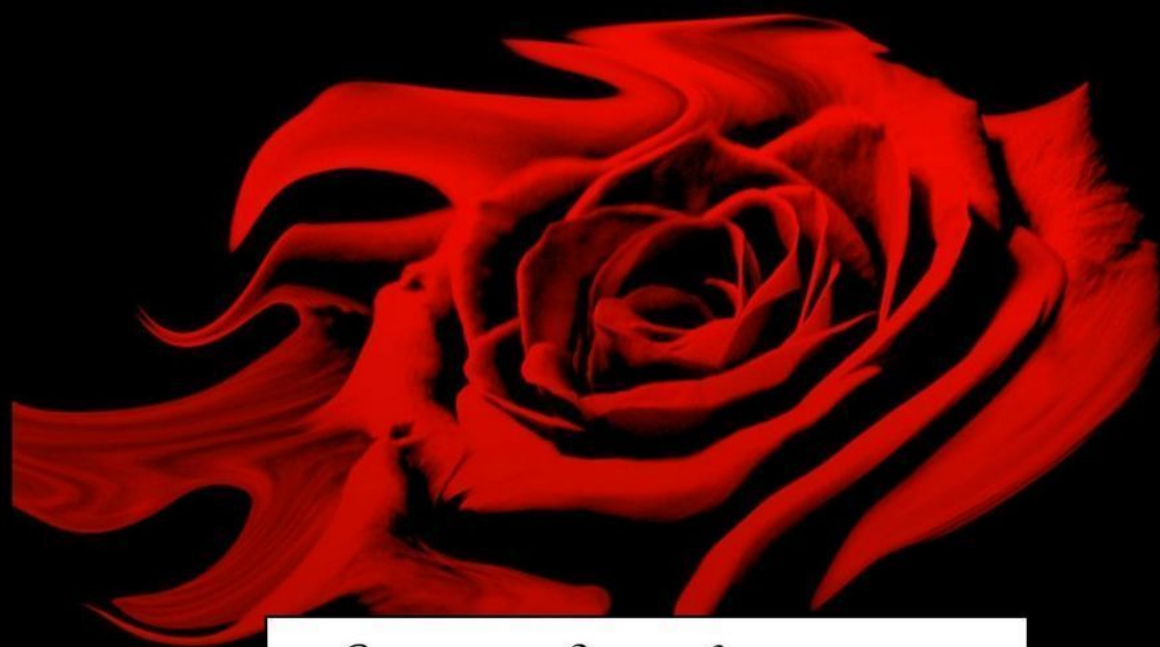

Медэя Макаровна

Сказки бабки Медэи

*Сказки для взрослых.
Часть вторая.
«Огненная»*

Медэя Макаровна

Сказки бабки Медэи.

Сказки для взрослых.

Часть вторая. «Огненная»

«Издательские решения»

Макаровна М.

Сказки бабки Медэи. Сказки для взрослых. Часть вторая.
«Огненная» / М. Макаровна — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500111-5

В златословье то сказанье, в этой части есть азарт. Где играют с морем волны,
там участвует Пират. Где Моряк слагает рифмы, Голд нашёл свою судьбу, Там
отвагой рушат рифы, отвергают вмиг беду! И Леснушка в дебрях чащи
путников с тоскою ждёт. И Феюн под брагой чахнет, лишь мечтами он живёт...
Инквизитор тут скотина, трус и грешник, всё в одном! Есть костер на эшафоте
и красавица на нём. Тут пещеры все в драконах, Василиса даст им бой! Ложь,
коварство, приключенья приготовлены судьбой! Голд Дримм

ISBN 978-5-00-500111-5

© Макаровна М.
© Издательские решения

Содержание

2 часть	6
1. Побег	7
2. Леснушка	10
3. Пират	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Сказки бабки Медэи
Сказки для взрослых.
Часть вторая. «Огненная»**

Медэя Макаровна

© Медэя Макаровна, 2019

ISBN 978-5-0050-0111-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-0112-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2 часть

Эта сказка как влечение,
Тянет деву к приключениям,
Здесь и бой, – огонь-вода,
Не попасть бы нам туда...
Все кипит, вот это страсти,
Коль прочел в ее ты власти.
Словом магия в фаворе
И драконы там в наборе!
Все атланты с силой воли,
От души играют роли.
Все в меду, но в бочке с солью,
Ложь в предательстве с любовью!

Голд Дриммский

1. Побег

Поделиться Лучник с Василиской, планами своими по ее спасению, да домой доставлению.

Вся возрадовалась она, вся возликовала.

Как знала да не прогадала, ставку на него сделав, благородство его почуяв.

Засветилась вся, самоцветом алмазным засверкала, так что чуть его не ослепила, но радостью своей все же зацепила.

На их счастье да на беду Колдунову, по его недогляду, убежище снаружи глухо запечатано, семью печатями опечатано.

Не попасть, не пройти без колдовского ведома, но лазейка все ж таки была из того дома.

Выбрались они без помех, без проволочек. Да стремглав в имение его помчались. За день домчались. Забежали в терем родовой, – чистота, лепота, пустота кругом. Лучник второпях на лестницу взбежал, половик на ней лежал, пушистый да мохнатый. Только на него молодец ступил, тот его с ног сбил, закрутил, вокруг обмотался, так, что кубарем он покатился, на полу весь развалился.

Испугаться не успел, как язык мокрый да шершавый стал щеки его лизать, руки облизывать.

Громко Лучник засмеялся, то Бесёнок друг сердечный, оказался. Развлекается, шалит, трещит да обезьянничает.

Обернулся тем половиком медведистым, да ловушку приготовил.

Наобнимались они знатно, наздоровкались дружно.

Опосля перекинулся домовый с кошачьей душой, в ипостась родную да любимую, в ката чернявого, упитанного.

Фырчит, мурчит, да щёлкает. Человечьим голосом не умеет, но речь всю понимает.

К Василиске приласкался, под рукой оказался, об ногу потерся, – зазнакомился, мохнатушки к голове прижал, своей признал.

Обескуражена она, в магии совсем дитя, – отродясь такого не видела, волшебством восхищена.

К чуду тому гладенькому, мохнатенькому, да мордатенькому с ласковостью отнеслась, да и нежностью сразу прониклась.

Лучник друга своего просил, по каналам домовьиным весточку ее родне передать, клич о помощи послать.

Тот наказы слушал одобрительно, опосля кивнув, – зашипел, застрекотал и тут же с глаз скрылся, испарился.

Лучник меж тем лихорадочно по дому носится, вещи в сундуки складывает, узлы в дорогу навязывает.

Долго не задержались, вскочили на вороных то коней и ветру на встречу погнали.

День и ночь скакали, тыщу верст проехали, да все по лесам, по полям, по болотам. Опасались людей, сторонились селений, следы заматали, как могли.

А Бесёнок время не терял, весть добрую передал, что жива-здорова Василисушка, через родню свою многочисленную. Домовые, – народ многогородный, те, что в домах обитают, домовыми зовутся.

Но не всех так судьбинушка баловала, не всем подсудобило, были и те, что в пещерах живут – их пещерниками кличут.

Вот и он, в путь дорогу с хозяином собравшись, оставил за место себя братца дальнего – пещерника, за именем родным приглядывать, за хозяйством ненаглядным присматривать.

А тот как уж рад, хозяином в доме побыть, пещеру свою хоть на время забыть.

На все готов, лишь бы место жительства сменить. А уж от нового звания – главного связаного, в восторге неопишемом пребывал, да чуть в обморок от избытка чувств не упал.

Наладив домовённую сеть агентурную, решился Бес с хозяином своим в путь двинуться, чуя, – в беде пригодится.

Случай тот редчайший, дичайший, да вопиющий, когда домовой свое жилище надолго покидает, далёко уезжает.

Так уж они устроены, без стен родимых тоскуют, места себе не находят, чахнут, жить без них не могут.

Связь подкожная, внутренняя уж больно сильна да нерушима.

Решился он только за ради Лучника, хозяина любимого, друга неповторимого.

А меж тем, заночевать путникам пришлось под небом открытым на лесной опушке.

Жутко да страшно Василисушке, не привыкла она бедная, к суровым таким условиям походным. Дочка царская, дочка любимая, вся в богатстве, комфорте, да в баловстве росла.

Всё на тысячах перинах, да на пуховых матрасах потчевала.

А тут мешок, тесный, жёсткий, походный, да сил нет какой холодный.

Тревожные звуки в ночи раздаются, страхи наружу лезут, сердце в пятках прячется, страсти мордасти мерещутся.

Сквозь пелену сна слышится ей стрёкот знакомый, шипение мирное, то домовенок-бесенок, страхи ее, учуяв, теплый да мягкий комочек рядочком пристроился, в клубочек свернулся.

К себе прижала тот комочек пушистый, стало теплей да спокойнее.

Да благо ещё рядом душа живая, защитник ее, сильный, да смелый, ловкий, да умелый, уверенна она, в обиду ее не даст, надежды ее не предаст.

Не оставил он ее в беде лихой, не побоялся наперекор Колдуну то пойти. А ведь он супротив него, что щепка поперек урагана, да к тому же дружбой душевной издавна повязанные они. Считай, его веру не оправдал, да дружбу долгую предал.

Подмога магическая им позарез нужна, знала она одного ведьмака.

Старец седовласый, мудрый, силой волшебной не мерянной наделённый. Сартаком называется, он с людьми дел не имеет, совсем не якшается.

Вот в этом то и беда бедунца, никто с ним не видится, отшельником тот живёт, да высоко в горах обитает. А горы те за морем, за океаном стоят.

Но Василисушка девица дюже везучая, в те давние времена убедила его уболтала, подсобить ей свадьбы не желанной избежать, от мужа навязанного сбежать.

В то время как она зверем, загнанным по замку своему родимому металась, свадьбы боялась, мимо замка ее родного, Сартак паломником шествовал да на ужин королевский зван был, гостем высоким, гостем важным.

Пытался всё король его к себе в придворные маги сманить, но Сартак дюжее слово отказное держал. Не по нему та судьба, не его это охота.

Опосля в месте укромном, в месте надёжном, вдали от глаз посторонних, взмолилась Василиска, отчаянно о помощи к нему взывая. От Черного Тигра, – жениха навязанного да злодейного ее скрыть, от свадьбы горемычной укрыть.

Не сумел отказать, гляючи в глаза ее слезные, слыша слова ее мольбы полные. Силы пророческие в нем взбунтовались, взбеленились истинную нить судьбинную ее, показывая, к действию его толкали, на амбразуру его бросали.

Не в силах сопротивляться девице несчастья полной, не смея противиться своему дару оракульскому, всем, чем смог, ей помог.

Напоследок, сообщив ей, – свидятся они, коли по крутому витку ее жизнь пойдет да по жёсткому сценарию ее судьба понесет.

Наказав и впредь слушать сердце свое, чувствам верить, во всех делах да начинаниях, отправил в страну дальнюю, в Муравию.

И теперь задача насущная, неразрешимая, как с ним сызнова связаться, состыковаться.
И Домовой то тут вовсе не помощник, в том высокогорье, не живёт ни один пещерник.
Родовой страдают фобией, высоты боятся до обмороков, до одури.
По доброй воле, да в охотку высоко в горы ни за что их не загонишь.
Ты хоть золото им сули, хоть серебром дразни.
Надо ход другой искать, иной выход выдумать.
С теми мыслями, да кое-как в дрёму провалилась, вся измучилась, извертелась, искру-
тилась.

2. Леснушка

Раным-ранехонько, да спозараночку, идёт Лучник, да вразвалочку, глядь, а Василиска не одна.

Под бочком, рядочком котяра-бес свернулся клубочком.

Подивился молодец слегка, тоска по дому для Бесёнка – ой как не легка, не ходил Бесёк далёко от родимого порога.

А Василиска то молодница-умница, выносливая, не жалуется, не куньдится. Терпит, все лишения походные выносит стойко, с трудностями справляется бойко.

Собранная вся, да на результат нацеленная. Зауважал он ее ещё пуще прежнего. Дорогой тяжёлой, запыленной лоск весь царский с нее сошел, но диво дивное, – она и в мужском одеянии чудо как хороша, да соблазнительна.

Если б не Зазнобушка его, уже весь в плен к ней сдался б, не постеснялся. Но Зазноба то его крепкими узлами завязала, к себе прочно привязала.

За версту видать, Василискину стать, дух у нее боевой, смелостью наделена, резвостью отмечена.

С такой напарницей – надёжней, можно ехать хоть куда, хоть в разведку, хоть к черту на рога.

А Бес все возле них вертится, все под ногами крутится, ясно всем даёт понять, с собой придётся брать.

Наспех поели, собрались да дальше помчались. Благо в дороге без еды не оставались, Лучник свое дело знал, знай себе всю дорогу, рябчиков стрелял.

Вот выехали они в чисто поле, широкое раздолье. Вокруг ни души, ни звука.

Зверь никакой не пробежит, мышка не пикнет, птичка не чирикнет.

Тишина гробовая стоит, молчание мертвецкое висит.

Бес шипит тревожно, хвостом бьёт, головой по сторонам крутит, беду чувствует.

Потемнело вдруг небо голубое, налетела туча черная, клубящаяся, да шевелящаяся.

Набросились тут на них птицы злобные, карги лютые, с клювами стальными, когтями железными.

Стали их острыми клювами клевать, длинными когтями рвать.

Лучник свалил десятка два, но куда уж их там тьма!

Коней пришпорили, вдали лесок виднеется, поскакали туда что есть мочи, там то от птиц обезумевших и укроются.

С разбегу, да во весь опор врезались то они в лес тот, птицы тут же и отстали.

А лесок тот совсем не простой, заколдованный, да зачарованный.

С наружи – то такой весь реденький, да плешивенький, а как заехали, стал дремучим, черным, с громадными деревьями, вековыми дубами – колдунами, да соснами – ведьмами корявыми, изогнутыми, словно в дикой пляске застывшими.

Корни их наружу повысовывались, змеями под ногами извиваются, да ветками за одежду цепляются. Им бы повернуть назад, но не до этого.

Нет ни начала ни конца у леса того жуткого, страшного, проклятого.

Окружены они со всех сторон дебрями непроходимыми, буераками, да оврагами крутыми.

Тишина вязкая, зловещая стоит, аж в ушах звенит.

Бес то совсем спрятался, в мешке сидит, носа не кажет. Лошади то и дело спотыкаются, вырываются. Василиска, леса, да деревья, всем сердцем любящая, и то от страха чуть жива, жметя к спутнику, едва дыша.

Место то гиблое, колдовское это все понимают, само зло в воздухе витает.

Лучник весь в растерянности утопает, чует, не их первых сюда бешеные карги загоняют. Лук его тут не действеннее метёлки, живого никого в округе, а по деревьям – стрелять без толку.

Навыки боевые на дыбы поднялись, взбеленились!

Весь собрался, да как тетива натянулся, в любую секунду да в бой ринется.

Подрывник то в нем приободрился, давненько не разминался, в любимом деле не упражнялся.

Огнемёт бы сюда, жаль, в сундук не поместился, как бы тут бы пригодился!

Бомба тоже подойдёт, взорвать все к чертям, да выжечь эту мерзость к упырям.

Показалась вдруг избушка, маленькая, плюгавенькая, пеленой паутины вековой укутана, плесенью толстючей, зеленючей увешана. От старости вся черная, покарёженная, на бок заваленная.

Вышла им на встречу девица молодая, диковинная, – вся зелёная. Как увидела их, обрадовалась, осчастливилась.

На Лучника глядит, не отрывается, соловьём голосистым заливается, —

Леснушка то она, рода Зеленушного. Всю – то жизнь тут живёт, с тёткой своей злобной, кровожадной, жалкое существование ведёт.

Всех посожрала та тетка вокруг, лес отравила, да заговорила.

Никого в округе живого не оставила. Улетела она, в соседний лес на пропитание. Ночью глубокой должна она возвернуться.

Как же хорошо, что такой сильный да смелый молодец тут объявился, спасёт ее наконец-то, от бытия горемычного.

Говорит – говорит, да забалтывает.

Под ручки Лучника схватила, в дом повела.

Василиску намеренно не замечает, только его обхаживает.

Усадила, да вся в жалобах, что и попотчевать то их и нечем.

Разделили они с ней свой тормозок походный. Налетела она на рябчиков, как гарпия, не столько жевала, сколько заглатывала.

Жалко стало им ее, а уж Лучник то совсем подразмяк, да раздобрел, уже и с три короба наобещал, что спасёт ее, от тетки злобной тиранистой.

А та и рада стараться, сидит глазками пучеглазыми стреляет, силой, да отвагой его восхищается, вся как ящерица извивается, так и льнёт к нему, так и ластиться.

Василиска глядит на нее во все глаза, подозрительность ее точит, да неправильность гложет.

Но мысли от себя те гонит, уж больно складно да ладно, та Зеленушка заливаает, да и от усталости глаза слипаются, тело сонной тяжестью наливается.

Меж тем завечерело, уставшие путники совсем с ног валяются, нехватка отдыха сказывается.

Укладывает их она, да прибылтывает, мол, не пропустят они возвращение тетки злодейки, как земля то затрясётся вся, знать тетка уже близка, она сразу их и разбудит.

Уболтала, уговорила, спать все ж таки уложила, да по разным комнатам разместила.

Василиска как легла то на кровать, так и уснула тут же.

А Леснушка то, все к Лучнику пододвигается, соблазнить его старается.

Массажем его разминает, хвалебными речами о мышцах могучих его размягчает. Да и он – то парень молодой, да горячий. Что ж не приласкать то девицу одичавшую, да ласковую, хоть и экзотическую, но уж на все согласную.

А она уж и шею облизывает, да все ниже спускается, вся извивается.

Тут в свете лунном блеснули вдруг зубы острые, громадные, рот черной дырой виднеется, в ней зубы клыкастые белеются, глаза повываливались на тонких ниточках торчат, шевелятся,

шпы на спине повылазили, хвост, что у скорпиона, из стороны в сторону качается, на острие яд источается. В монстриху враз обернулась, в упыриху моментом перекинулась.

Разинула то она пасть, готовясь то ли сожрать его, то ли ещё чего... но вдруг звон глухой раздался, она то тут же вся обмякла, да на пол брякнулась.

Лежит он ошарашенный, от страха и испуга оторопевший. Чуть достоинства самого кровавного не лишился, да и без головы видимо, чуть не остался.

Вскочил, да весь в простыню завернулся. Глядит, а рядом – то Василиса стоит, сковородку в руках теребит.

Бесёнок домовёнок беду то почуял, Василиску разбудил, сковородкой снарядил.

Добро приложила она монстриху то по головушке.

Удар то у неё отлажен уже, да натренирован, рука тяжёлая, голова холодная.

Во время успела, долго не думала, долбанула, так долбанула, от души, да со всего размаху то.

Связали они злыдню, та как оклемалася шипит, визжит, зубами щёлкает, на разные голоса воет, завывает.

Пригрозили сковородой то монстроустранительной, да Василискиными приемами монстроубойными, вот все и вывели.

Оказалось, нет никакой тётки злобной, сама она всех тут извела, посожрала. Лес заколдовала, прокляла.

Оборотница она, упыриная.

Девушка днём, в ночи урод кровожадный.

Заманивала она путников способами разными. То птиц злобных насылала, то сама нападала. Молодцев истязала, опосля кровь пила, а девиц, как только ночь наступала тут же и сжирала. Главное дело было заболтать, зельем дурманящим опоить, да ночевать оставить.

Вот и пригодился тут домовёнок, не ел, не пил, не спал-следил. За хозяином бдил, Василиску оружием снабдил. Всех спас.

На общем собрании, Решено было известить всю нечисть тутошнюю, да уничтожить всех путем взрывания.

Подготовил Лучник бомбу ядерную, цель преследуя благородную.

Навыки имел годами отточенные, заложил заряды везде прочные.

Помчались они во весь опор, как можно дальше.

Как слышались первые взрывы, визг и вой раздалось оглушительные, многоголосные. От пламени, скукоживаясь, деревья завизжали. Начал лес редеть, да светлеть, обрадовались наши путники, быстрее коней своих пришпорили.

А лес, словно зверь живой, цельный, пламенем объятый, шипел, визжал, в агонии весь содрогался да в конвульсиях бился.

Потом ещё долго окрестные жители вспоминали тот пожар дикий, да как землю трясло, лихорадило, видно божий гнев праведный, обрушился – таки на злодейку колдунистую.

А опосля как праздновали, радостью великой народной упивались, за устранение леса злодейного, заколдованного да за избавления от монстрихи страшилистой, людоедки кровожадной.

И не сосчитать, сколько та выдра зубастая, людей сожрала, да живых душ загубила.

3. Пират

Долго ли коротко ли они ехали, выехали – таки к морю – океану.

Пристань громадная стоит, тьма кораблей, тьма тьмущая людей. Толкотня, беготня, суета кругом. Копошатся все, словно муравьи, дела делают, туда – сюда бегают.

Переговорили с одним из Пиратов, взял их на судно свое быстроходное, за плату небольшую, договорную.

Василиску – красна девицу, решено было в рубище грязное одеть, замаскировать, дабы лишние взгляды не привлекать, да мужское внимание избегать.

В молодца переодевать без толку, ее выдающиеся фигурные округлости девицу в ней за версту выдавали, мужиков в штабеля укладывали.

Никак их не спрятать и не скрыть, надо как то ее прикрыть.

Покумекали – покумекали, да выход все ж таки нашли, надели на нее кучу старого тряпья, за одеждами бесформенными спрятали, в толстуху – замарашку превратили.

И не прогадали, пираты даже в ее сторону то и не взглянули.

Закавыка в другом вышла, кота-домовёнка никак на корабль не пускали, долго муторно решали.

Согласие только дали, коли в мешке посидит зверище, а кот в мешке, то ещё зрелище!

Погрузились они и отчалили. Роли распределили, места заняли. Должна была распре-краснейшая Василиса в каюте заседать, лишний раз за дверь носа не казать.

И тому она была уж рада, всё тряпье с себя стянуть, собой красавицей побыть. Никуда не выходить, от чужих глаз недобрых она скрытая, за крепкой дверью укрытая.

Мочи нет, как тяжело ей было, в тряпках шаромыжных прятаться, ей царевне чаровнице, одним взором мужские сердца разбивающей, ходить под маской неряхи и замарахи. Но другого выхода не видать, свирепа пиратская команда, не выдюжить Лучнику одному супротив них.

Смирилась она, от красоты своей на время открестилась.

Но тут беда пришла, неведомая хворь Лучника свалила.

Лежит бледный, дурнотой мается, встать не может, весь качается, наизнанку выворачивается.

Испугалась Василиска за дружку своего, побежала за помощью к Пирату главному. Нехотя Пират тот на зов откликнулся, недуг определил, – болезнь то морская, укачивающая. Никто, мол от нее ещё не помер, лекарским снадобьем отопьётся, и этот оклемается.

За второй дозой пусть сама придет, как завечереет и зыркнув на нее, ушел.

Василисушка на всё готова была, хоть до луны слетать, да обратно прибежать.

Лишь бы помочь другу-защитнику своему.

Бес шипит, ворчит, хвостом крутит, хозяина караулит.

Меж тем время бежит, течёт, сквозь пальцы утекает, отсрочки не знает.

Тут уж и завечерело.

Делать нечего, нацепила на себя тряпье, замазала лицо, пуще прежнего в замарашку прикинулась.

Пират ее за стол усадил, да трапезой угостил.

А сам все спрашивает, да спрашивает. Кто такие, куда, да откуда. Он – то бродяга морей, повелитель ветра, наглый, тиранистый, сластолюбец похотливый, озоботливый. Своротить ее собрался, в темпе, да не заморачиваясь.

Умница премудрица наша, от вопросов прямых уклоняется, от легенды своей не отойти старается. Большими глазами, напуганными на него смотрит, байку придуманную вещает, – Лучник муж ее, главный он де самый умный, все сам решает, она ему в этом не мешает. К род-

ным едут, куда, сама и не помнит, голова то у неё, что решето дырявая, всё повывлетало даже не задержалось.

Она-то в планы его не посвященная, ничего ей не ведомо, глупая, да необразованная, матрона вздорная. Всю жизнь скотину пасла, да коров доила.

Из всех сил старается бабой глупой прикидывается, шепелявит, охает да ахает, о муже своем причитает, да слезы по щекам растирает, всю голову ему задурила, весь настрой сбила.

Глядит он на нее брезгливо, в сказки её поверивший, запал потерявши.

Заполучив снадобье желанное, пушечным ядром на выход помчалась.

Да на беду в дверях с девицей повстречалась, пиратской наружности, бандитской сущности.

То была жена корабельного царя.

Глазом она так сверкнула, всё и раскумекала, маскировку разгадала, да заподозревала.

Глаз женский цепкий, его не проведёшь, не затуманишь.

Прощёлкала та всё враз, интерес дуже возрос до небес.

Василиска то тут же глазки потупила, да мимо прошмыгнула, но рано радовалась.

Ночь темная сгустилась, дремучая, все в глуши, вокруг ни души.

Вышла она в ночь глубокую, воздухом чистым морским подышать.

Радости полна, удалось то ей пирата, вокруг пальца обвести, похотливость отвести.

Сняла она тряпье намотанное, распустились, да на плечи упали волосы гладкие, длинные, блестящие, луной посеребрённые.

Ветер хулиганистый их подхватил, любовно разметал, да развеял.

Вздыхнула она грудью полной, сладкий запах свободы, с привкусом солёным морским, бесподобным.

Надышавшись, да налюбовавшись, спать пошла. Того не знала, да не ведала, что выследила то ее Пиратка, да свои подозрения утвердила.

Снадобье действенным оказалось, Лучник зарумянился, да посвежел, но в полную силу ещё не вошёл.

Пришлось Василиске самой хозяйничать, с командой беседу складывать.

А матросы то народ похабный, дремучий, бухучий, да брехучий.

Пытались приударить, да поухлестывать.

Благо Пиратка ее под свою защиту взяла, авторитетностью их задавила, а сама – то все на Василисушку поглядывает, участие да интерес проявляет, чем может – помогает, в подружки метит, набивается.

Пират тоже старается, вдруг добрым да ласковым стал, обхаживает, да в доверие втирается.

Василиска роль свою на ура исполняет, позиций не сдает – вся забитая, глупая, вздорная, чумазая толстуха замарашка.

И вот Пират опять на ужине ее ждёт, но теперь уж вместе с женой зовёт.

Рассудила она, да зря – раз с женой, то бояться ей нечего.

Маскарад свой нацепила, в пиратское логово поспешила.

А там уже ее заждались, свечи горят, тьму разгоняют, стол серебром сверкает, яствами ломится.

Вино по кубкам разлили, да по дружески распили.

Пират возле нее увивается, то до руки невзначай, то до ножки дотронется.

Вином ее опаивает, шутками разговор сдабривает.

Закружилась то у неё голова от градуса, да от компании веселой расслабляющей.

Тут уж и танцы затеяли. Василиска то от музыки, в свой танцевальный транс ушла, раскрепостилась, в мелодии забылась, соблазнительностью полна.

Волосы распустила, в танце закружила, бёдрами восьмёрки рисует, распалает, совращает, да сама не ведает, как на зрителей это действует.

– Я же тебе говорила, – шепчет пирату жена, -ты погляди, – вон как она хороша! Мужики то вы слепцы, провести то вас легко, а нам вон как повезло.

Повезло, так повезло, – такой раскрасавицы у нас ещё не было!

Тут уж и пиратка в пляс пустилась, ближе придвинулась, жмётся вся к Василиске, все ближе и ближе подбирается.

А та ни о чем не догадывается, смеётся, резвится, куражится.

Пират то тоже подоспел, одобрением жены руководится, руки то уже совсем распустил, одной по телу Василискиному шарится, второй с женой своей ласкается.

Любители они извращенистыми делами заниматься, оргию совершить удумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.